

Воспоминанія жизни О. Г. Тернера¹⁾.

С теченіемъ времени гнетущее чувство горя и печали мало по мало стало ослабѣвать, и я сталъ находить удовольствіе и развлеченіе въ наслажденіи природой и въ интересовавшихъ меня занятіяхъ; но мое настроеніе все же выражалось долгое время какъ-бы нѣкоторымъ отрѣшеніемъ отъ интересовъ міра сего. Я продолжалъ жить и, какъ сказано, въ нѣкоторой мѣрѣ, наслаждаться благами жизни, но отъ всякихъ матеріальныхъ благъ готовъ былъ отказаться безъ сожалѣнія, если бъ это сдѣлалось необходимымъ. Примеромъ такому настроенію можетъ служить слѣдующая частность: до тѣхъ поръ я очень аккуратно велъ свои приходо-расходныя книги, но со смертію жены, не придавая уже значенія матеріальнымъ интересамъ, я навсегда пересталъ вести счета приходо-расхода.

Съ тѣхъ поръ прошло около 30 лѣтъ. Разумѣется, жизнь взяла свое, и я все болѣе и болѣе сталъ погружаться въ ея интересы. Но все же у меня проявлялась, по временамъ, нѣкоторая отрѣшенность отъ обычныхъ житейскихъ интересовъ; особенно въ моменты, когда меня постигала какая-либо непріятность или неудача, я утѣжалъ себя мыслию о ничтожествѣ всего земного, преходящаго, въ сравненіи съ вѣчностью, какъ это выражается нѣмецкимъ поэтомъ:

Es ist ja nur ein irdisch Ding,
Zum trauern zu gering!

Было время, когда я сблизился, нѣсколько лѣтъ спустя, съ одною молодою дѣвушкой чрезвычайно умной и милой и помышлялъ даже о бракѣ съ нею. Бракъ этотъ не состоялся, и тогда я былъ этимъ опечаленъ; теперь же, приближаясь къ концу жизни, я благодарю

¹⁾ См. „Русскую Старину“, июнь 1910 г.

Бога за то, что онъ предохранилъ меня отъ шага, на который я готовъ былъ вступить и который все же составилъ бы рѣзкій диссонансъ съ тѣмъ, что я ощущалъ и думалъ послѣ смерти жены, когда я, вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ, сознавалъ, что память истинной любви не можетъ быть преходящею. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы совершенно не въ духъ моей покойной жены. Бывши еще невѣстой, она однажды писала мнѣ, что мое сердце теперь принадлежитъ ей, прибавляя слова: „Je le tiens, je le garde et je l'enferme dans le mien“. Какъ бы предчувствуя краткость подлежащей ей жизни, Софія Александровна въ разговорахъ со мною всегда неодобрительно относилась ко вторымъ бракамъ; между прочимъ она не скрывала своего нерасположенія къ одному нашему знакомому, который послѣ смерти своей жены, ея двоюродной сестры, вступилъ во второй бракъ... Я теперь доволенъ, что никакія новыя связи не нарушили моихъ отношеній къ покойной..

Очертивъ такимъ образомъ въ общемъ и по возможности правдивомъ и искренномъ повѣствованіи то духовное настроеніе, въ которомъ я пребывалъ многіе годы послѣ постигшаго меня несчастія, возвращаюсь теперь къ хронологическому описанію теченія жизни.

Весною 1875 г., мнѣ пришлось отправиться за границу въ Вѣну для окончанія переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, объ удовлетворительномъ исходѣ которыхъ вкратцѣ уже выше упомянуто.

Нашимъ посломъ въ Вѣнѣ былъ тогда Е. П. Новиковъ. Моя дѣятельность по переговорамъ мало сблизила меня съ нимъ въ то время; повидимому, онъ не особенно интересовался ходомъ таможенныхъ дѣлъ. Я тогда не предвидѣлъ, что нѣсколько лѣтъ спустя мы съ нимъ опять встрѣтимся въ Константинополѣ, что у насъ тамъ будетъ общее, живо его интересующее, дѣло, и что мы сойдемся съ нимъ до того, что между нами установятся вполне дружественныя отношенія.

Переговоры съ австрійскими делегатами шли довольно медленно. Я воспользовался ожиданіемъ отвѣта на мое донесеніе изъ Петербурга, чтобы въ промежутокъ сдѣлать небольшую экскурсію въ мѣста, которыя мы посѣщали еще такъ недавно съ покойною женою¹⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что, находясь разъ въ салонѣ Новикова, я нашелъ на столѣ книгу Fonvielle'я и, открывъ ее наугадъ, прочелъ слова „l'on érrouve parfois comme si l'esprit de la défunte vous effleure et la met en communication avec vous“. Сознаюсь, что это меня очень поразило.

Я отправился въ Венецію и заказалъ тамъ мозаику, распятіе, по картинѣ Тинторетто, которою особенно любовалась два года тому назадъ моя жена, для помѣщенія этого изображенія на ея надгробномъ памятникѣ. Затѣмъ черезъ Невшатель я отправился въ Веве, посѣтилъ оттуда гостиницу „Байронъ“, Вильневъ—все мѣста, полныя для меня печальныхъ воспоминаній...

По прошествіи недѣли, я вернулся въ Вѣну, гдѣ засталъ уже отвѣтъ Рейтерна на мой запросъ, который и далъ мнѣ возможность удовлетворительно покончить дѣло, на меня возложенное, заключеніемъ конвенціи.

На обратной дорогѣ въ Россію мнѣ пришлось испытать крушеніе желѣзнодорожнаго поѣзда, при самомъ почти подъѣздѣ къ Петербургу. Поѣздъ прошелъ уже Гатчину, я спокойно сидѣлъ въ вагонѣ, помышляя о скоромъ прибытіи домой, какъ вдругъ я почувствовалъ сильный толчекъ, послышался громкій трескъ, мой вагонъ сталъ скакать по шпаламъ и качаться съ одной стороны на другую. Я вообразилъ, что произошло столкновение двухъ поѣздовъ, и что трескъ происходитъ отъ ломки вагоновъ, наскакивающихъ другъ на друга,—и потому поспѣшилъ стать въ проходѣ, чтобы не быть раздавленнымъ между двумя сидѣніями. Катастрофа продолжалась нѣсколько секундъ, затѣмъ мой вагонъ остановился, и все стихло. Я рѣшился подойти къ окну, чтобы посмотрѣть, что произошло. Оказалось, что нашъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, и что локомотивъ и первый за нимъ вагонъ лежатъ на боку. Трескъ и скачка вагоновъ происходили отъ того, что поѣздъ, сошедши съ рельсовъ, продолжалъ нѣкоторое время идти по шпаламъ, которыя подъ тяжестью локомотива ломались съ трескомъ. Вся публика высыпала немедленно изъ вагоновъ на полотно дороги; оказалось, къ счастью, что никто не раненъ, только у машиниста была ошпарена рука паромъ. Но опрокинувшійся вслѣдъ за локомотивомъ вагонъ 1-го класса былъ разбитъ совершенно. Къ счастью онъ былъ пустой, такъ что никто не пострадалъ. Но вотъ какое при этомъ случилось странное обстоятельство. Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ контролеръ желѣзной дороги, который выходилъ на каждой станціи, вѣроятно для приѣма выручки или для провѣрки счетовъ. Всю дорогу онъ сидѣлъ въ передовомъ вагонѣ I класса, который и былъ разбитъ. На послѣдней станціи онъ нѣсколько замѣшкался и выбѣжалъ на платформу, когда поѣздъ уже начиналъ двигаться и потому вскочилъ въ первый попавшійся вагонъ. Эта случайная задержка спасла его жизнь,—какъ въ этомъ не видѣть дѣло Провидѣнія,—ему еще не суждено было умереть.

Самымъ происшествіемъ я не былъ особенно испуганъ, въ мо-

ментъ крушенія мною овладѣлъ какой-то спокойный фатализмъ— что будетъ—то будетъ.

Пришлось ожидать присылки другого локомотива съ ближайшей станціи. Предвидя, что на это пройдетъ значительное время, нѣкоторые пассажиры отправились на крестьянскихъ лошадахъ, которыя подѣхали къ мѣсту крушенія, на ближайшую станцію балтійской желѣзной дороги, рассчитывая отправиться въ Петербургъ съ слѣдующимъ поѣздомъ. Я не послѣдовалъ ихъ примѣру, и дѣйствительно, пришлось ждать часа четыре прихода другого локомотива и расчистки пути. Въ Петербургъ я засталъ, разумѣется, мое семейство въ большой тревогѣ, такъ какъ стало извѣстно, что опозданіе поѣзда вызвано его крушеніемъ,—но, наконецъ, я пріѣхалъ, и всѣ успокоились.

По пріѣздѣ въ Петербургъ пришлось пережить необыкновенно печальный моментъ воспоминанія первой скорби. Похороны моей покойной жены происходили зимою,—въ такое время, когда, по случаю мороза, пришлось обложить внутренность могилы только досками. Для предупрежденія просачиванія въ могилу подпочвенной воды, пришлось обложить ее каменной кладкой, и при этомъ, на короткое время вынуть гробъ изъ могилы. Такимъ образомъ я опять увидѣлъ гробъ, заключавшій столь дорогіе для меня останки и на немъ поблекшіе цвѣты, которыми онъ былъ осыпанъ въ день погребенія... Когда гробъ былъ опять помѣщенъ въ отдѣланную камнемъ могилу, я осыпалъ его свѣжими цвѣтами и, между прочимъ, незабудками, которыя, т. е. незабудки я случайно купилъ у предлагавшаго мнѣ ихъ торговца по дорогѣ. Моя покойная жена обладала замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ; она сочинила серію весьма мелодичныхъ романсовъ, которые появились въ печати. Первый изъ сочиненныхъ ею романсовъ носилъ названіе „незабудка“ и кончался словами: „Mein Mädchen, Dich vergess ich nicht“. Я невольно вспомнилъ эти слова, бросая незабудки въ ея вновь открытую могилу.

Около этого времени я принялся за переводъ замѣчательной англійской книги „Ессе Ното“. Это сочиненіе вышло въ Англии анонимно (впослѣдствіи я узналъ отъ Побѣдоносцева, что авторъ ея профессоръ Tilly), но съ предисловіемъ Гладстона. Я прочиталъ въ какомъ-то журналѣ цитаты изъ этой книги, и онѣ такъ меня заинтересовали, что я выписалъ немедленно самую книгу. Чтеніе ея не уменьшило моего интереса, и я рѣшился взяться за ея переводъ,—работа, которая занимала меня въ теченіе двухъ лѣтъ.

Около этого же времени я прочиталъ статью А. Ө. Гусева— „нравственный идеалъ буддизма и его отношеніе къ христіанству“.

Статья его мнѣ столь понравилась, что я написалъ о томъ автору; такимъ образомъ я вошелъ съ нимъ въ сношенія, затѣмъ, при прїѣздѣ его въ Петербургъ, лично съ нимъ познакомился и многіе годы находился съ нимъ въ довольно частомъ обмѣнѣ мыслей. Это былъ человекъ не только богословски, но и вообще очень образованный, съ идеальнымъ настроеніемъ души. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ печатномъ обсужденіи разныхъ богословскихъ вопросовъ и составилъ себѣ имя въ этой области. вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человекъ весьма скромный и чрезвычайно симпатичный.

Читая разныя вещи, я постоянно дѣлалъ себѣ выписки изъ нихъ, мѣста, особенно меня затрогивавшія, такъ напр., я записалъ слѣдующее:

„Sanctification is not a thing once done for ever, it is a life, a walk, and if we strumble, we can get up again. It is a life of trust, moment by moment, and if for one moment we fail, that is no reason why we should not trust the next moment“.

И затѣмъ слѣдующіе нѣмецкіе стихи:

„Ein Segen liegt in schweren Werke
Dir wächst, wie du's vollbringst die Stärke,
Bescheiden, zweifelnd fängst du's an
Und stehst am Ziel ein ganzer Mann“.

Лѣтніе мѣсяцы я провелъ въ Павловскѣ, на дачѣ родителей моей покойной жены. Любимое развлеченіе мое составляли прогулки по красивому Павловскому парку, которыя были исполнены постоянными воспоминаніями о прошломъ, такъ какъ въ этомъ паркѣ не было, кажется, дорожки, по которой я бы не гулялъ съ покойной женой.

Въ концѣ іюня я опять поѣхалъ за границу, чтобы съѣхаться тамъ съ матушкой и сестрами, которыя находились въ Карлсбадѣ, а затѣмъ, чтобы посѣтить старо-католическій конгрессъ въ Боннѣ.

Группа старокатоликовъ образовалась, какъ извѣстно, по инициативѣ знаменитаго католическаго богослова Деллингера, который, въ числѣ немногихъ другихъ выдающихся богослововъ — Ланге, Шульте, Рейнекенсъ и др., не согласился подчиниться рѣшенію Ватиканскаго собора о непогрѣшимости папы. То, на что не рѣшился ни одинъ изъ епископовъ, хотя въ средѣ ихъ многіе были несогласны съ новой доктриной и возражали противъ установленія ея на соборѣ, имѣлъ смѣлость совершить Деллингеръ. Послѣдствіемъ отказа подчиниться рѣшенію Ватиканскаго собора была, разумѣется, его экскоммуникація и оставленіе имъ папской католической церкви.

Желая оставаться, однако, въ лоѣ древней церкви, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ прежнія времена, до тѣхъ новшествъ, которыя были введены въ нее папами, начиная отъ включенія *filioque* въ символъ вѣры, вызвавшаго распадѣніе единой церкви на восточную и западную и всѣхъ послѣдующихъ новыхъ догматовъ, о непорочномъ зачатіи Богородицы и о папской непогрѣшимости, Деллингеръ и присоединившаяся къ нему группа католическихъ богослововъ не захотѣли перейти въ протестантизмъ, а приняли названіе старо-католиковъ. Они выбрали своего епископа Рейнекенса, который получилъ консекрацію отъ ясенитскаго епископа въ Голландіи и своихъ священниковъ, которые затѣмъ были посвящены епископами... Такимъ образомъ, они образовали новый толкъ, принявъ названіе старо-католической церкви. Разъ старокатолики возвращались къ ученію древней церкви, устраняя всѣ католическія новшества, то въ сущности не было уже препятствія къ соединенію ихъ съ восточною церковью, которая именно и есть та древняя церковь, о возстановленіи которой они мечтали. Мысль о присоединеніи ихъ къ православію должна была поэтому естественно возникнуть, и она возникла.

Въ видахъ содѣйствія осуществленію этой столь желательной цѣли, у насъ образовалось, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича Общество Духовнаго Просвѣщенія при участіи Янышева, Осинина, Кирѣева и многихъ другихъ лицъ. Это общество имѣло главною цѣлью разъясненіе разныхъ богословскихъ вопросовъ вмѣстѣ съ старокатоликами, для подготовленія ихъ присоединенія къ православію. Съ этою же цѣлью у старокатоликовъ устраивались конгрессы, на которыхъ, кромѣ представителей православной церкви, принимали участіе и представители англиканской церкви, такъ какъ идея о соединеніи церквей всегда пользовалась большимъ сочувствіемъ въ Англіи. Такой конгрессъ долженъ былъ состояться осенью 1875 г. въ Боннѣ, и на него отправились изъ членовъ нашего духовнаго общества Кирѣевъ, Янышевъ, Осининъ, Т. И. Филипповъ—вслѣдъ за ними отправился и я, по приглашенію Кирѣева, хотя я тогда еще не былъ членомъ Общества Духовнаго Просвѣщенія¹⁾.

¹⁾ Вскорѣ по возвращеніи изъ Бонна я сдѣлался членомъ этого Общества, что дало мнѣ возможность сказать въ его средѣ рѣчь о свободѣ совѣсти, какъ о томъ будетъ сообщено далѣе. Участіе въ Обществѣ духовнаго просвѣщенія предоставило мнѣ затѣмъ случай прочесть, одновременно съ Соловьевымъ, рядъ лекцій на тему „философскій пессимизмъ и христіанское воззрѣніе на жизнь“. Эти чтенія были потомъ напечатаны въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ и вышли затѣмъ отдѣльной книгой. Вообще съ

Дорога въ Боннъ лежала черезъ Берлинъ. На пути за Вержбовымъ, разразилась сильнѣйшая буря, которая сопровождала насъ до самаго Берлина. Повидимому, этотъ ураганъ прошелъ по всей сѣверной Германіи, ибо на слѣдующій день, уѣзжая изъ Берлина, мнѣ встрѣтились вдоль пути картины сильнаго опустошенія; поломанныя бурею и вырванныя съ корнемъ деревья лежали повсюду по дорогѣ.

Въ Боннѣ я поселился въ гостиницѣ, въ которой, какъ я зналъ, остановился Кирѣевъ съ его сестрою г-жею Новиковой, извѣстною своими статьями въ англійскихъ журналахъ, подъ именемъ О. К. Оправившись отъ дороги, я зашелъ къ нимъ и просидѣлъ у нихъ за чаемъ весь вечеръ, въ бесѣдахъ о будущемъ конгрессѣ, при чемъ выяснилось, что я, разумѣется, могу принять въ немъ участіе только какъ слушатель, но и это представляло для меня большой интересъ. На другой день я сдѣлалъ визиты Янышеву, Осинину, Филищову—которые всѣ уже съѣхались въ Боннѣ—а также и мѣстнымъ корифеямъ богословамъ Лангену, Шульте, Рейнекенсу и Деллингеру, снабженный карточками отъ Кирѣева. Деллингера, съ которымъ меня особенно интересовало познакомиться, я не засталъ дома и встрѣтился съ нимъ только на первомъ засѣданіи конгресса.

Это первое засѣданіе состоялось въ тотъ же день вечеромъ. Всѣхъ засѣданій было вообще три: въ субботу, въ воскресенье и въ понедѣльникъ. Одновременно съ засѣданіями конгресса происходили частныя совѣщанія православныхъ, съ цѣлью сговориться о предстоящихъ вопросахъ, чтобы дѣйствовать единодушно. Хотя въ этомъ отношеніи вначалѣ происходили нѣкоторыя колебанія, но благодаря умной и теплой рѣчи Осинина¹⁾ и примирительному от-

этого времени начался у меня рядъ богословскихъ работъ, которыя обращали на себя вниманіе богословскихъ журналовъ. Я былъ особенно пріятно пораженъ, когда въ 1903 году я нашелъ въ вышеуказанномъ харьковскомъ богословскомъ журналѣ статью подъ заглавіемъ „Православная Церковь и ученіе нашихъ свѣтскихъ писателей А. С. Хомякова, О. Г. Тернера и В. С. Соловьева“. Сопоставленіе моего имени съ именемъ Хомякова, такъ высоко мною чтимаго, исполнило меня радостнаго чувства и послужило мнѣ къ поощренію и къ поднятію духа.

¹⁾ Профессоръ Осининъ былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ, глубоко религіозный, но далеко не узкій церковникъ, съ широкимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на жизнь и на религію и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный ораторъ. Я съ нимъ сошелся очень близко и оставался съ нимъ въ сношеніяхъ до конца его жизни, которая продолжалась не долго, онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ. Замѣчательна печальная судьба этого человѣка, столь жизнѣрадостнаго, свѣжаго, воспримчиваго и дѣятельнаго. Вскорѣ послѣ нашего знакомства померла отъ чахотки его молодая жена; какъ онъ этимъ ни былъ убитъ, но онъ искалъ утѣшенія въ занятіяхъ, ко-

ношенію къ дѣлу Янышева и Кирѣва, установилось полное единеніе православныхъ, которое и повело впоследствии къ такому же полному соглашенію съ представителями старокатолической группы по вопросу о символѣ вѣры.

Задачею настоящаго Боннскаго конгресса было опредѣленіе всего того, въ чемъ старокатолики сходятся съ православными. При этомъ на первомъ же засѣданіи возникъ вопросъ о разности символовъ вѣры, т. е. о прибавленіи словъ: *filioque*, по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Въ этомъ засѣданіи, въ которомъ участвовалъ извѣстный Овербекъ, православный священникъ, перешедшій изъ католичества въ православіе, послѣдній возбудилъ не помню какой-то вопросъ о вселенскихъ соборахъ, который, повидимому, совершенно не относился къ обсуждаемому предмету, но который могъ вызвать ровнь въ собраніи съ самаго начала; только благодаря примирительному отношенію къ дѣлу Янышева, Осинина и Кирѣва, крайность Овербека, который хотѣлъ быть *plus royaliste que le roi*, удалось загладить. Затѣмъ пренія стали происходить въ духѣ полного и мирнаго объединенія и на первый же разъ достигли полного успѣха. Единогласно было рѣшено принять текстъ православнаго символа безъ измѣненія, т. е. исключить слово: *filioque*. Рѣшенія конгресса получили 2/14 августа 1875 г. въ Боннѣ окончательно формулировку въ слѣдующихъ девяти тезисахъ, изложенныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, которые были приняты всѣми присутствующими:

1) Wir stimmen überein in der Annahme der ökumenischen Symbole und der Glaubensentscheidungen der alten ungetheilten Kirche.

2) Wir stimmen überein in der Annerkennung, dass der Zusatz des Filioque zum Symbolum nicht in kirchlich rechtmässiger Weise erfolgt sei.

3) Wir bekennen uns allerseits zu der Darstellung der Lehre vom h. Geist, wie sie von den Vätern der ungetheilten Kirche vorgetragen wird.

4) Wir verwerfen jede Vorstellung und jede Ausdrucksweise, in welcher etwa die Annahme zweier Principien in der Dreieinigkeit enthalten wäre.

Wir nehmen die Lehre des heiligen Johannes von Damaskus

торымъ продолжалъ предаваться съ прежнею энергіею. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ самъ долженъ былъ подвергнуться чрезвычайно опасной операци, которая оставила на всегда въ немъ слѣды (искривленіе мускуловъ лица), и несмотря на все это, онъ оставался все же тѣмъ же живымъ и дѣятельнымъ челоавкомъ до конца жизни, который послѣдовалъ немного лѣтъ спустя.

über den heiligen Geist, wie dieselbe in folgenden Paragraphen ausgedrückt ist, im Sinne der Lehre der alten ungetrennten Kirche an:

1) Der h. Geist geht aus dem Vater als dem Anfang der Ursache der Quelle der Gottheit (Directa Sententia n. 1 Contra Monich n. 4).

2) Der h. Geist geht nicht aus dem Sohne, weil es in der Gottheit nur Einen Anfang, Eine Ursache gibt, durch welche alles, was in der Gottheit ist, hervorgebracht ist (De fide orthod. 1, 8).

3) Der h. Geist geht aus dem Vater durch den Sohn (de fide orthod. 1, 12 c. Monich n. 5. De hymno Trirag. n. 28 Hom. in Sabb. 3. n. 4).

4) Der h. Geist ist das Bild des Sohnes, des Bildes des Vaters (de fide orthod. 1, 13) aus dem Vater ausgehend und im Sohne ruhend als dessen ausstrahlende Kraft (de fide orthod. 1, 7 Ibid. 1, 12).

5) Der h. Geist ist die persönliche Hervorbringung aus Vater dem Sohne angehörig, aber nicht aus dem Sohne, weil er der Geist des Mundes der Gottheit ist, welcher das Wort ausspricht (de Hymno Trirag. n. 28).

6) Der h. Geist bildet die Vermittelung zwischen dem Vater und dem Sohne und ist durch den Sohne mit dem Vater verbunden (de fide orth. 1, 13).

Всѣ цитаты приведены въ оригинальномъ протоколѣ и въ греческомъ текстѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій конгресса Деллигеръ произнесъ рѣчь, длившуюся болѣе часа, о вредѣ, который нанесъ ультрамонтанизмъ іезуитовъ всѣмъ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ господствовалъ іезуитскій элементъ. Замѣчательно было слушать, съ какимъ жаромъ этотъ, кажется восьмидесятилѣтній, старецъ говорилъ объ этомъ предметѣ. Видно было, что онъ убѣжденный и ярый врагъ іезуитовъ, вызвавшихъ Ватиканскій соборъ и причинившихъ церкви столько вреда.

Въ воскресенье утромъ православные члены конгресса присутствовали на старокатолической литургіи.

Въ понедѣльникъ утромъ происходило заключительное засѣданіе, на которомъ Деллигеръ и произнесъ свою вышеуказанную замѣчательную рѣчь. Это засѣданіе завершилось общею торжественною молитвою (сколько помню) о дарованіи успѣха дѣлу соединенія церквей, и затѣмъ окончательно было прочитано „Отче нашъ“. Въ этотъ день мы, русскіе, собрались вмѣстѣ на дружескую тра-

пезу, и здѣсь началось мое сближеніе съ Янышевымъ и Осининымъ. Въ виду достигнутыхъ результатовъ, мы были всѣ въ превосходномъ настроеніи духа.

Вечеромъ того же дня всѣ участники конгресса соединились за ужиномъ, и разумѣется, всѣ тоже были въ самомъ тепломъ настроеніи. Во время ужина Рейнекенсъ и Янышевъ произнесли двѣ замѣчательныя рѣчи, указавъ на христіанское чувство, искренность и откровенность, царствовавшія въ засѣданіяхъ,—настроеніе, которое со стороны всѣхъ участниковъ было положено въ основаніе обсужденій по этому святому дѣлу. Съ особенною теплотой высказался Янышевъ о предстоящемъ началѣ соединенія церквей. И впоследствии І. Л. Янышевъ всѣми силами продолжалъ содѣйствовать успѣху начатаго дѣла.

Передъ отъѣздомъ со всѣхъ членовъ конгресса была снята общая фотографическая группа.

Дни, проведенные мною въ Боннѣ, представляли для меня высшій интересъ. Во-первыхъ, сближеніе съ Янышевымъ, Осининымъ и Филипповымъ ввело меня именно въ кругъ той сферы, которой я искалъ въ Петербургѣ, и которой въ Петербургѣ было бы гораздо труднѣе достигнуть; затѣмъ, знакомство и разговоры съ самыми выдающимися дѣятелями старокатолицизма и со многими другими замѣчательными личностями не могло не имѣть для меня большой цѣны. Въ Боннѣ я познакомился между прочимъ съ преосвящ. Ликургомъ, архіепископомъ Сиры. Этотъ почтенный старецъ, больной, чахоточный, не пострашился, несмотря на свою болѣзнь, пріѣхать въ Боннѣ, чтобы оказать сильное содѣйствіе дѣлу единенія церквей, которому такъ жарко сочувствовало его любвеобильное сердце. Онъ на меня произвелъ глубокое впечатлѣніе; я ему представился и просилъ его благословенія, о которомъ я впоследствии нерѣдко вспоминалъ въ трудныя минуты жизни.

Но что особенно имѣло для меня значеніе, это — сознаніе, что мнѣ удалось принять хотя небольшое участіе въ такомъ міровомъ событіи. Въ окончательной редакціи протокола засѣданія въ одномъ мѣстѣ была принята предложенная мною редакція.

Дѣло соединенія церквей, начавшееся, повидимому, столь обещающимъ образомъ, достигнувъ въ первое же засѣданіе конгресса единенія въ символѣ вѣры со старокатоликами — къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ не оправдало возложенной на него надежды. Со времени Боннскаго конгресса 1875 года прошло 30 лѣтъ, и дѣло, повидимому, нисколько не двигается, хотя конфессіональные конгрессы старокатоликовъ повторялись съ тѣхъ поръ почти ежегодно.

Несмотря на то, что почти всѣ догматическіе вопросы оказались

согласованными съ ученіемъ православноі церкви, главная трудность полнаго единенія старокатоликовъ съ православными возникаетъ на обрядовой почвѣ и заключается въ разныхъ частностяхъ. Православная церковь получила въ Россіи и на Востокѣ столько національныхъ оттѣнковъ, что чисто догматическое ученіе не всегда сходится съ проявленіями религіозной жизни и частностями мѣстнаго богословскаго ученія. Национальная религіозная жизнь присоединила къ догматическимъ истинамъ не малозначительныя прибавки, которыя хотя и не получили у насъ догматическаго освященія (какъ это произошло въ католической церкви), но которыя все же пользуются въ странѣ и народѣ несомнѣннымъ авторитетомъ, — частности, на которыя старокатоликамъ трудно идти. Затѣмъ, и въ догматическомъ отношеніи, несмотря на достигнутое соглашеніе по существу, происходятъ еще, со стороны нѣкоторыхъ нашихъ богослововъ, споры о словахъ, о выраженіяхъ. Такъ, на примѣръ, старокатолики согласились съ нами, что въ таинствѣ причащенія мы приобщаемся подъ видомъ хлѣба и вина истинно тѣломъ и кровію Спасителя. Но у насъ нѣкоторые богословы этимъ не довольствуются и требуютъ непременно употребленія слова „пресуществленіе“. Этотъ собственно философскій терминъ ни въ древней церкви, ни даже первоначально въ русской церкви не употреблялся: онъ былъ заимствованъ нами впоследствии изъ католическаго ученія, съ которымъ мы встрѣтились въ Кіевѣ; отъ католиковъ это выраженіе перешло къ намъ, такъ какъ вообще въ тѣ времена мы многое заимствовали у западныхъ католическихъ богослововъ. Между тѣмъ, старокатолики считаютъ эту прибавку излишнею и слишкомъ напоминающею католическое ученіе.

Съ другой стороны, и старокатолики стали въ послѣднее время какъ-то особенно сочувственно относиться къ англиканскимъ протестантамъ, но и съ ними они вполнѣ, разумѣется, слиться не могутъ. Такимъ образомъ, они находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи: они отъ одного берега отстали, а къ другому все еще не могутъ пристать. Сочувствуя протестантамъ въ смыслѣ свободы и нѣкотораго рационализма, они вмѣстѣ съ тѣмъ не желаютъ отстать отъ идеи видимой церкви. Такое положеніе составляетъ ихъ слабость, и вотъ почему число сторонниковъ старокатолической церкви, которое въ первое время значительно росло, особенно въ Южной Германіи и Швейцаріи, въ послѣднее время почти не испытываетъ приращенія.

На другой день я оставилъ Боннъ и отправился по Рейну въ мѣстечко Ланштейнъ и оттуда—въ Эмсъ. Поѣздка по Рейну, богатому чудными видами и историческими воспоминаніями — по его

берегамъ разбросано множество живописныхъ развалинъ средне-вѣковыхъ замковъ — доставила мнѣ истинное наслажденіе. Въ Эмсѣ я провелъ нѣсколько дней, посвященныхъ прогулкамъ въ живописныхъ окрестностяхъ этого городка. Это второй разъ, что я былъ въ Эмсѣ; и замѣчательно, что оба раза это происходило послѣ смерти близкаго лица. Въ первый разъ, какъ уже выше приведено, послѣ смерти отца, а теперь — послѣ смерти жены.

Вблизи Эмса находится мѣстечко Нассау, съ красивымъ замкомъ, принадлежащимъ знаменитому государственному человѣку, барону Штейну, который за свой патріотизмъ подвергался преслѣдованію со стороны Наполеона, долженъ былъ оставить Пруссію и жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а послѣ паденія Наполеона онъ занималъ въ Пруссіи мѣсто министра. Въ его министерство было совершено коренное преобразование внутренняго управленія этой страны; благодаря ему произошло полное возрожденіе Пруссіи. Я не хотѣлъ оставить Эмсъ, не побывавъ въ симпатичномъ Нассау. Гуляя по парку, я сѣлъ на скамейку возлѣ замка. Ко мнѣ подошелъ сторожъ; я ему предложилъ сигару, и мы съ нимъ разговорились о разныхъ предметахъ. Во время разговора онъ между прочимъ рассказалъ мнѣ, что онъ незадолго передъ тѣмъ потерялъ свою жену; при этихъ словахъ у него наворачивались слезы на глазахъ. Такое совпаденіе — человѣкъ, съ которымъ я случайно разговорился, какъ будто подъ вліяніемъ нѣкотораго внутренняго влеченія, раздѣлялъ со мною ту же грустную судьбу — меня глубоко затронуло.

Изъ Эмса я опять по Рейну отправился въ Рюдесгеймъ и оттуда черезъ Бамбергъ въ Карлсбадъ, гдѣ я съѣхался съ матушкой и сестрами.

На другой день послѣ моего приѣзда въ Карлсбадъ было воскресенье, и я зашелъ къ обѣднѣ въ русскую церковь. Во время обѣдни священникъ сказалъ рѣчь въ память своего предшественника, отца Константина, упомянувъ, что онъ лишился жены въ цвѣтъ лѣтъ... Послѣ обѣдни служилась панихида въ память о. Константина, и я просилъ помянуть и Софію и самъ искренно молился. Такимъ образомъ постоянно на моемъ пути возникали воспоминанія о покойной женѣ.

Въ Карлсбадѣ я провелъ три недѣли, наслаждаясь чудною природой и пользуясь красивыми прогулками, которыми такъ богаты окрестности Карлсбада.

Каждое утро, напившись воды у Шлосбруна, я отправлялся гулять въ горы, съ книгой въ карманѣ. Чаще всего я направлялся въ Kaiserpark. Въ этой восхитительной, окруженной зелеными го-

рами, долинь, я обыкновенно шел кофе на верандѣ мѣстнаго кафѣ и затѣмъ погружался въ чтеніе взятой съ собой книги. Занятіе философскими мыслями въ живописной мѣстности доставляло мнѣ всегда особенное наслажденіе. Естественныя красоты природы какъ бы сливались съ красотой возвышенныхъ мыслей. Въ то время я читалъ съ увлеченіемъ книгу Secretan'a, женевскаго ученаго, товарища извѣстнаго Навиля, „La raison et le christianisme, douze lectures“.

Секретанъ, разбирая различныя философскія ученія—материализмъ, позитивизмъ, идеализмъ, отвлеченный теизмъ—указываетъ на ихъ несостоятельность и приходитъ къ заключенію, что даже съ точки зрѣнія рациональнаго ума (la raison), христіанское воззрѣніе на жизнь—единственно правильное и разумное.

Читая въ Карлсбадѣ однажды евангеліе, мое вниманіе остановилось на словахъ Иисуса Христа: „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я посреди нихъ“. Христосъ требуетъ, такимъ образомъ, общей молитвы. Сознавая, что христіанину слѣдуетъ дѣйствительно проводить въ жизнь христіанскія требованія, я рѣшился предложить матушкѣ и сестрамъ по воскресеньямъ читать съ ними вмѣстѣ евангеліе. Сознаюсь, что мнѣ было не легко сдѣлать имъ это предложеніе, потому что человѣкъ ощущаетъ какой-то ложный стыдъ заявлять другимъ о своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ. Но я превозмогъ это чувство, и мое предложеніе было съ готовностью принято. Кромѣ того, я съ этого времени сталъ читать моей прислугѣ, каждое воскресенье, по утрамъ, воскресное евангеліе, и продолжаю это дѣлать до сихъ поръ.

По окончаніи курса леченія въ Карлсбадѣ мы отправились еще на нѣсколько недѣль въ Берхтесгаденъ. По желѣзной дорогѣ мы доѣхали до Галейна, извѣстнаго своими соляными ключами, гдѣ и наняли экипажъ для слѣдованія въ Берхтесгаденъ, уговорившись въ цѣнѣ съ однимъ изъ кучеровъ, ожидавшихъ пассажировъ на станціи. Погулявъ нѣкоторое время по парку въ Галейнѣ, мы стали искать нашего возницу—но вмѣсто него къ намъ подѣхалъ другой кучеръ и заявилъ намъ, что тотъ, котораго мы наняли, переуступилъ ему поѣздку. Такъ какъ намъ было все равно, съ кѣмъ ѣхать, то мы сѣли въ его коляску и отправились въ путь. По прибытіи въ Берхтесгаденъ, когда я сталъ расплачиваться съ кучеромъ, онъ довольно нахально сталъ требовать больше условленной платы, говоря, что у нихъ такса, и что онъ требуетъ, чтобы я заплатилъ ему по таксѣ. Послѣ продолжительнаго непріятнаго разговора съ нимъ, я ему объявилъ, что если онъ полагаетъ, что ему слѣдуетъ больше условленнаго съ тѣмъ кучеромъ, который

ему переуступилъ поѣздку, то онъ можетъ обратиться въ полицію, и что если полиція признаетъ его требованіе правильнымъ, то я ему немедленно доплачу остальное. На этомъ дѣло остановилось, и онъ, разумѣется, не обратился въ полицію, но на меня эта сцена произвела самое непріятное впечатлѣніе. Я искалъ въ лонѣ природы мира и покоя, а вмѣсто того, при самомъ же приѣздѣ въ Берхтесгаденъ пришлось вступать въ препирательства. На другой день я справился въ таксѣ и увидѣлъ, что дѣйствительно по таксѣ слѣдовало доплатить то, что онъ требовалъ. А потому, чтобы не быть несправедливымъ, когда я черезъ нѣсколько дней встрѣтился съ нимъ на улицѣ, я подозвалъ и объяснилъ ему, что я убѣдился, что у нихъ дѣйствительно существуетъ такая такса, и что хотя тотъ кучеръ, съ которымъ мы порядились, и соглашался повидимому ѣхать ниже таксы, но что я не хочу его обижать и потому доплачиваю ему разницу. Онъ былъ, разумѣется, очень доволенъ, а у меня осталось пріятное чувство, что въ настоящемъ сомнѣніи я рѣшился лучше разрѣшить вопросъ въ невыгодномъ для меня смыслѣ, лишь бы не нарушать могущихъ быть правъ другого лица. Окрестности Берхтесгадена восхитительны, особенную прелесть составляетъ озеро Königssee, окруженное высокими скалами. Кромѣ того у самага Берхтесгадена лежитъ гора, съ которой представляется чудный видъ на всѣ окрестности почти до самага Зальцбурга.

Вся эта мѣстность изобилуетъ соляными формаціями и между прочимъ близъ Берхтесгадена находятся разрабатываемыя соляныя копи, и я рѣшился посѣтить такую шахту, доступную для желающихъ ее осмотрѣть.

Прежде спуска въ шахту всѣ посѣтителі должны облечься въ особенный костюмъ, широкія шаровары и полотняную куртку.— Сознаюсъ, что въ этомъ костюмѣ дамы представляли весьма курьезную фигуру. Затѣмъ вся публика размѣщается верхомъ другъ за другомъ на толстомъ гладкомъ бревнѣ, находящемся въ наклонномъ положеніи, имѣя впереди шахтмейстера, всѣ вмѣстѣ, держась каждый за сидящаго передъ нимъ, спускаются въ шахту, скользя по бревну. Внизу нашимъ взорамъ представился рядъ залъ, вырубленныхъ въ формаціяхъ каменной соли — представлявшихъ какое-то фантастическое, подземное царство. Прогулявшись по всѣмъ заламъ, мы сѣли по двое, съ возницею впереди, на двухколесныя тачки, въ видѣ велосипедовъ, съ удивительною быстротою промчались по разнымъ подземнымъ корридорамъ и, наконецъ, выѣхали на Божій свѣтъ. Такъ какъ на этихъ велосипедахъ приходилось сидѣть въ равновѣсіи безъ всякой опоры

для ногъ, то невольно, во время этой бѣшеной ѣзды, приходилось ощущать нѣкоторое чувство страха, ибо при малѣйшей потерѣ равновѣсія, можно было упасть въ сторону и при этомъ, двигаясь быстро въ узкомъ корридорѣ, разможжить себѣ голову о скалистыя стѣны.

Около церкви въ Берхтесгаденѣ въ очень живописномъ мѣстѣ находилось кладбище, и я разъ въ лунную ночь, гуляя, зашелъ на это кладбище. Освѣщенные луннымъ свѣтомъ памятники, стоявшіе между деревьями, производили фантастическое впечатлѣніе.

Во время пребыванія въ Берхтесгаденѣ мы встрѣтились тамъ съ нашимъ извѣстнымъ академикомъ и ученымъ геологомъ Григ. Петр. Гельмерсенемъ. Какъ извѣстно, Григорій Петровичъ принадлежалъ къ выдающимся въ то время академикамъ — вмѣстѣ съ Бэрромъ и Брандтомъ. Замѣчательно, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя занятія наукой умѣли соединить съ искреннимъ христіанскимъ вѣрующимъ чувствомъ. Въ жизни этого рѣдкаго человѣка произошелъ слѣдующій роковой случай.

Гельмерсенъ былъ женатъ на Кошелевой, сестрѣ или близкой родственницѣ извѣстнаго сверстника Самарина, кн. Черкаскаго, Милютина и сотрудника ихъ по польскому дѣлу. У него было два сына. Старшій, слабохарактерный молодой человѣкъ, доставлялъ мало удовольствія родителямъ, но за то младшій былъ необыкновенно способный, жизнерадостный и порядочный мальчикъ, составлявшій радость отца. И вотъ съ нимъ случилось слѣдующее двойное трагическое происшествіе. Онъ поступилъ студентомъ въ Дерптскій университетъ и тамъ имѣлъ несчастье, по неосторожности, на охотѣ изъ ружья убить своего друга. Легко себѣ представить, какимъ тяжелымъ гнетомъ это несчастное происшествіе легло на душу и молодого человѣка и его бѣднаго отца. Но этого еще не довольно. Годъ спустя, катаясь съ товарищами въ лодкѣ по чрезвычайно быстрой рѣчкѣ Эмбаху, протекающей по Дерпту, у него лодка задѣла за мостъ и опрокинулась. Молодой Гельмерсенъ былъ, кажется, хорошимъ пловцомъ, онъ бросился спасать товарища, котораго уносило теченіе, и самъ при этомъ погибъ въ волнахъ Эмбаха. Все это время я часто видѣлся съ Григоріемъ Петровичемъ и былъ пораженъ, съ какимъ христіанскимъ смиреніемъ и подчиненіемъ волѣ Провидѣнія онъ переносилъ постигшее его несчастье. У Гельмерсена кромѣ того были три дочери, одна изъ нихъ вышла замужъ за капитана, нынѣ контръ-адмирала Моласа, брата Моласа, погибшаго вмѣстѣ съ Макаровымъ, при взрывѣ „Петропавловска“.

Изъ Берхтесгадена мы отправились въ Мюнхенъ, гдѣ я расстался съ семействомъ. Матушка и сестры поѣхали въ Дрезденъ, а я еще заѣхалъ въ мѣстечко Фельдафингъ, на берегу Штарнбергскаго озера. Хотя это озеро далеко не такъ живописно, какъ Кенигсзее, однако оно тоже довольно красиво,—по берегамъ его видѣются разныя мѣстечки, посреди которыхъ разбросаны красивыя дачныя виллы мѣстныхъ городскихъ жителей, вдали пейзажи окаймляются съ разныхъ сторонъ горныя вершины. На берегу Штарнбергскаго озера находится знаменитый замокъ, построенный королемъ Людвигомъ, въ которомъ содержался впоследствии несчастный король во время постигшаго его умопомѣшательства. онъ Здѣсь же погибъ въ озерѣ, потопивъ себя вмѣстѣ со слѣдовавшимъ за нимъ докторомъ, желавшимъ исторгнуть его изъ озера. На мѣстѣ катастрофы поставленъ теперь въ озерѣ памятникъ. Это трагическое происшествіе совершилось нѣсколько лѣтъ спустя; въ то время берега Штарнбергскаго озера еще не были омрачны этимъ печальнымъ происшествіемъ.

Въ Фельдафингѣ я провелъ нѣсколько дней, гуляя по берегамъ озера и занимаясь разработкой статьи о религій и наукъ въ XIX столѣтіи,—мысль, которая у меня явилась передъ тѣмъ еще въ Эмсѣ, во время одной прогулки. Слѣдя за современной литературой въ Германіи, я былъ пораженъ антагонизмомъ, который все сильнѣе проявлялся тамъ между представителями науки и духовными лицами,—антагонизмъ, который впоследствии выразился въ пресловутомъ культуркампфѣ уже при Бисмаркѣ. Миѣ казалось, что собственно коренныхъ причинъ для разлада между наукой и религіей не существуетъ. Антагонизмъ этотъ выросъ главнымъ образомъ на почвѣ католическаго ультрамонтанизма и схоластики. Осужденіе свободы мысли и научнаго изслѣдованія, выразившееся окончательно въ папскомъ силлабусѣ, выразившемъ всякое самостоятельное научное изслѣдованіе,—не могло, разумѣется, уживаться съ научнымъ развитіемъ, и потому представители науки очевидно должны были заявить протестъ противъ такого гнета—и вотъ откуда возникъ антирелигіозный рационализмъ. Борьба охватила даже область нравственной жизни, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что всякая исключительно религіозная доктрина бессильна въ нравственномъ отношеніи, какъ лишенная религіозной поддержки. Рациональная нравственная доктрина можетъ только указать людямъ на извѣстный нравственный идеалъ, но не можетъ сообщить имъ внутренней силы, дающей людямъ возможность стремиться къ осуществленію въ жизни даннаго нравственнаго идеала. Противопоставленіе культурной идеи лишено потому основанія—когда рѣчь идетъ о хри-

стіанствѣ, а не о католическомъ ультрамонтанствѣ; напротивъ того, истинное живое христіанство необходимое культурное условіе чело-вѣческаго общества.

Вотъ тѣ главныя мысли, которыя надѣялся развить въ статьѣ, разработку которой я началъ въ Фельдафингѣ и завершилъ вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ насъ ожидалъ непріятный сюрпризъ. Въ квар-тирѣ матушки оказалась покража серебра—разныхъ вещей. Такъ какъ при этомъ замки всѣхъ помѣщеній оказались въ цѣлости, а во время нашего отсутствія въ квартирѣ оставалась служанка матушки, то, очевидно, покража могла быть совершена только при ея участіи. Какъ ни непріятно было это происшествіе само по себѣ, но мнѣ особенно было непріятно то, что предстояло рѣшить, какъ быть съ подозрѣваемой служанкой, т.-е. подать ли обвиненіе на нее въ полицію. Съ христіанской точки зрѣнія слѣдуетъ прощать на-шимъ врагамъ. Въ данномъ случаѣ, подобное обвиненіе имѣло бы послѣдствіемъ окончательную гибель предполагаемой виновницы кражи, и потому я рѣшился уговорить матушку ограничиться не-медленнымъ увольненіемъ означенной женщины, не возбуждая противъ нея никакого дальнѣйшаго преслѣдованія—такъ и было сдѣлано.

Къ концу года я былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей Лужскаго уѣзда; въ этомъ званіи я состоялъ до самаго моего назначенія товарищемъ министра финансовъ. Ежемѣсячно приходилось ѣздить въ Лугу на сессію суда, который состоялъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Татищева, кромѣ меня, изъ мировыхъ судей Горда-нова, Самохвалова, Зварковскаго и Скрыдлова, родственника адми-рала Скрыдлова. Сессіи суда продолжались дня два или три. Вече-ромъ, по пріѣздѣ въ Лугу, я обыкновенно занимался разсмо-трѣніемъ дѣлъ, подлежащихъ разбору сессіи, которая продолжалась обыкновенно съ самаго утра до обѣда. Суду приходилось обыкно-венно имѣть дѣло только съ обвиняемыми и свидѣтелями. Разъ только какой-то богатый крестьянинъ, обвиняемый въ тайной про-дажѣ вина, выписалъ изъ Петербурга адвоката для защиты. Это произвело нѣкоторый эффектъ въ мѣстномъ обществѣ, и всѣ ожи-дали, какой будетъ отъ того результатъ. Такъ какъ намъ было до-подлинно извѣстно, что обвиняемый дѣйствительно торговалъ виномъ, на что были положительныя улики, то риторическая рѣчь адвоката очевидно не имѣла дѣйствія, и состоялся обвинительный приговоръ. Вечеромъ, возвращаясь въ Петербургъ, я случайно оказался въ од-номъ вагонѣ съ нашимъ адвокатомъ. Онъ сидѣлъ съ какимъ-то знакомымъ и рассказывалъ ему про свои впечатлѣнія въ Лугѣ, брани

нескончаемо мировыхъ судей, о которыхъ онъ отзывался, какъ о какихъ-то бурбонахъ, чуть не звѣряхъ—очевидно онъ, былъ сильно обиженъ тѣмъ, что его защитительная рѣчь не имѣла успѣха. По выходѣ изъ вагона въ Петербургъ, я подошелъ къ нему на платформѣ и, обратившись къ нему, сказалъ ему: вы, кажется, адвокатъ, защищавшій въ Лугѣ дѣло крестьянина Х-а, я лужскій мировой судья и слышалъ ваши громкіе отзывы въ вагонѣ о лужскихъ судьяхъ; какое бы ни было ваше о нихъ мнѣніе, я совѣтовалъ бы вамъ не выражать его публично, потому что публичное поношеніе суда могло бы имѣть для васъ непріятныя послѣдствія. Онъ ничего не отвѣтилъ и сконфуженно отошелъ въ сторону.

Около этого же времени я поступилъ въ члены казанскаго приходскаго попечительства о бѣдныхъ. Предсѣдателемъ его былъ тогда камергеръ Жуковскій. Послѣ Жуковскаго и затѣмъ протоіерея Лебедева я былъ выбранъ предсѣдателемъ попечительства и состою таковымъ по настоящее время.

Наступила годовщина дня моей свадьбы. Какъ я уже замѣтилъ, моя покойная жена обладала замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ; послѣ нея остались въ числѣ прочихъ неизданныхъ музыкальныхъ манускриптовъ, положенный на голосъ псаломъ 122:— „Къ Тебѣ возвожу очи мои, живущій на небесахъ“. Она написала это музыкальное сочиненіе, занимаясь контрапунктомъ съ своимъ учителемъ профессоромъ Зарэмбо, который былъ очень религіозный человѣкъ. Мнѣ пришла мысль просить дьякона и регента хора нашей церкви (Конюшенной) переложить сочиненіе моей жены для хорового пѣнія, чтобы исполнить его на панихидѣ, которая должна была служить въ вышеуказанный день. Моя просьба была исполнена, и съ тѣхъ поръ этотъ псаломъ исполняется ежегодно въ церкви въ дни панихидъ, которыя служатся въ память покойной. А такъ какъ величественная гармонія этой мелодіи многимъ очень нравится, то иногда и въ другіе дни этотъ псаломъ поется вмѣсто причастнаго стиха. Когда я слышу вдохновенные звуки творенія покойной, при упокойной молитвѣ за нее же, мнѣ все кажется, какъ будто этимъ устанавливается между нами нѣкоторая духовная связь. Если на томъ свѣтѣ душамъ усопшихъ дано принимать нѣкоторое участіе въ происходящемъ на земь мѣрѣ, то мнѣ представляется, что душа покойной жены, для которой музыка была выше всего, должна и въ той жизни ощущать духовное наслажденіе, когда въ церковной молитвѣ возносятся Богу ея собственныя мелодіи.

Въ началѣ 1876 г. вышла въ печати моя первая статья по религіознымъ вопросамъ—нѣкоторыя соображенія о старокатоликахъ

и о Боннскомъ конгрессѣ, статья, которую я написалъ по совѣту Осинина. Появленіе моей первой статьи въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ меня тѣмъ болѣе ободрило, что я былъ нѣсколько разочарованъ отказомъ редакціи „Голоса“ напечатать мой трудъ—„Наука и Религія“—о которомъ уже была рѣчь. Редакція первоначально приняла мою работу, продержала ее довольно долго и затѣмъ возвратила мнѣ ее подъ предлогомъ, что этотъ спеціально религіозный вопросъ не подходитъ подъ программу журнала. Тогда я рѣшился напечатать ее отдѣльной брошюрой.

Въ то время я уже былъ членомъ общества духовнаго просвѣщенія и началъ принимать въ его засѣданіяхъ живое участіе. Такъ какъ меня очень интересовала мысль о свободѣ совѣсти, потому что, съ религіозной точки зрѣнія, я не могъ не считать существующую у насъ систему религіознаго понужденія великимъ зломъ, то мнѣ захотѣлось сказать въ обществѣ публично рѣчь по этому предмету; посоветовавшись съ профессоромъ Осининымъ и, кажется, Янышевымъ, я рѣшился заявить совѣту общества о моемъ намѣреніи. Для обсужденія этого вопроса было назначено спеціальное засѣданіе совѣта, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, въ Мраморномъ дворцѣ. Послѣ моихъ объясненій, предложеніе мое было принято сочувственно, но со стороны нѣкоторыхъ членовъ совѣта былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли мнѣ предварительно написать мою рѣчь и представить ее въ совѣтъ для прочтенія, т.-е., другими словами, подвергнуть ее домашней цензурѣ. Противъ этого я возразилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, заявляя, что я не могу принять этого условія уже потому, что намѣренъ говорить свободно (хотя я по составленной заранее подробной программѣ)—и потому не могу принять обязательство говорить только то, что мною будетъ впередъ написано, безъ всякихъ отъ того уклоненій. Предложеніе о предварительной цензурѣ моей рѣчи не было поддержано, и самъ Великій Князь высказался въ томъ смыслѣ, что мнѣ должна быть предоставлена полная свобода слова. Отъ меня даже не потребовали сообщенія моей программы.

Засѣданіе, на которомъ я долженъ былъ произнести мою рѣчь, было назначено на воскресенье 14 марта. Не могу сказать, чтобы я спокойно и хладнокровно ожидалъ этой минуты. Говорить, свидѣтельствовать объ этомъ, такъ глубоко затрагивавшемъ меня предметѣ, было за послѣднее время моимъ несомнѣннымъ желаніемъ. И вотъ, когда мнѣ представилась къ тому возможность, мнѣ казалось, что я не довольно воодушевленно, не довольно восторженно отношусь къ этой перспективѣ, а между тѣмъ я сознавалъ, что моя рѣчь, для того, чтобы воздѣйствовать на слушателей, должна бы

быть исполнена священнаго огня и истиннаго воодушевленія. Затѣмъ хотя я имѣлъ тогда уже привычку говорить публично и потому первоначально не сомнѣвался въ томъ, что столь живо затрогивавшій меня сюжетъ найдетъ соотвѣтственное выраженіе въ моихъ словахъ, но по мѣрѣ приближенія назначеннаго дня, я и въ этомъ сталъ сомнѣваться, я себя спрашивалъ, насколько задача, принятая мною на себя, окажется мнѣ по силамъ. Кромѣ того я долженъ указать еще на одно странное возникавшее во мнѣ ощущеніе. До тѣхъ поръ мнѣ никогда еще не приходилось говорить публично о религіозныхъ вопросахъ; меня знали какъ экономиста, отчасти какъ государственнаго человѣка,—и вдругъ я выступлю передъ публикой, чуть ли не какъ христіанскій проповѣдникъ. Мнѣ было какъ будто совѣстно публично передъ людьми заявлять о моихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ и какъ бы свидѣтельствовать о томъ, что я сдѣлался вѣрующимъ христіаниномъ. Нужно было просто нѣкоторое усиленіе воли, чтобы побѣдить вначалѣ это смущеніе.

Дѣйствительно, въ первый моментъ, при началѣ моей рѣчи я ощущалъ какъ-бы нѣкоторое чувство смущенія и только послѣ того, какъ я замѣтилъ, что слушатели слѣдятъ съ усиленнымъ вниманіемъ за моими словами, я отдѣлался отъ этого глупаго настроенія, воодушевился и сталъ говорить съ искреннимъ убѣжденіемъ.

Я положилъ въ основаніе моей рѣчи слѣдующіе восемь главныхъ тезисовъ:

1) Охраненіе извѣстныхъ религіозныхъ убѣжденій въ народѣ не достигается вторженіемъ гражданской власти въ духовную сферу.

2) Смѣшеніе элемента гражданскаго съ духовнымъ задерживаетъ естественное и своеобразное развитіе гражданской жизни и подавляетъ духовную жизнь внѣшнимъ формализмомъ.

3) Противъ научнаго отрицанія, обусловленнаго убѣжденіемъ, возможно бороться только на почвѣ духовной свободы.

4) Христосъ училъ, что пользованіе внѣшнею побудительною властью въ духовныхъ дѣлахъ несовмѣстно съ пониманіемъ христіанскаго духа.

5) Сущность ученія христіанской нравственности: вѣчная истина, безусловная искренность и постоянный прогрессъ.

6) Теплота чувства (любовь) главная внутренняя пружина, приводящая въ движеніе духовный механизмъ христіанской жизни.

7) Послѣдствія означеннаго въ п. 2 смѣшенія лицемѣрія, индифферентизма, формализма и самодовольства—находятся въ прямой противоположности съ понятіями, указанными въ пунктахъ 5-мъ и 6-мъ.

8) Общее начало, истекающее изъ предыдущаго: свобода совѣсти нераздѣльна отъ правильнаго пониманія христіанской идеи.

Я говорилъ просто и свободно, и моя рѣчь, повидимому, произвела впечатлѣніе на слушателей. Графъ Корфъ, который тоже былъ въ числѣ послѣднихъ, сказалъ мнѣ: „вы заживо задѣли“. На другой день мнѣ передавали, что о моей рѣчи много говорятъ въ городѣ. Предметъ рѣчи самъ по себѣ былъ настолько животрепещущій и настолько интересовалъ какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ, что немногаго требовалось отъ говорившаго, чтобы возбудить дѣйствительный интересъ, такъ что я не могъ приписывать достигнутый успѣхъ исключительно достоинству моей рѣчи.

Вслѣдствіе моей рѣчи о свободѣ совѣсти В. П. Безобразовъ предложилъ мнѣ написать пространную статью на эту тему для Сборника Госуд. Знаній¹⁾. Въ этой статьѣ я проводилъ основную мысль, что одво изъ трехъ испытаній Господа дьяволомъ, въ которомъ дьяволъ, показавъ Ему всѣ царства міра сказалъ: поклонись мнѣ и все это дамъ тебѣ—объяснялось отчасти внутренней борьбой, происходившей въ душѣ Спасителя, передъ началомъ его служенія,—когда, сознавая свою божественную власть и силу—Онъ стоялъ передъ выборомъ пойти по стезѣ насилія и своей властію понудить людей покориться Ему, или избрать духовный путь, полный для Него страданій, направленный къ добровольному подчиненію людей Его Святому вліянію. Спаситель избралъ послѣдній путь, а потому каждый разъ, когда церковь обращается къ принужденію религіозной совѣсти людей, она отклоняется отъ пути, избраннаго Спасителемъ. Затѣмъ въ концѣ статьи я разбиралъ наше законодательство по этому предмету и указывалъ на то, какъ оно далеко ушло отъ этого нормальнаго пути.

Эта моя статья благополучно прошла черезъ нашу духовную цензуру. Цензоръ препод. Геласій, хотя и замѣтилъ съ нѣкоторою добродушной улыбкой, что авторъ какъ бы отрицаетъ дѣйствительность искушенія Спасителя дьяволомъ, переводя искушеніе на внутреннюю борьбу, происходившую въ душѣ Спасителя—все же далъ *imprimetur*.

На слѣдующее воскресенье было назначено засѣданіе для отвѣта на мою рѣчь. Оппонентомъ явилось одно очень симпатичное мнѣ и уважаемое мною духовное лицо. Передъ засѣданіемъ мой оппонентъ далъ мнѣ понять въ интимномъ разговорѣ, что онъ принялъ на себя задачу возраженія на мои тезисы не по собственной инициативѣ, а по внушенію высшаго духовенства, которое находило, что нельзя было оставить мою рѣчь безъ отвѣта. Поэтому и по самому существу

¹⁾ Сборникъ Госуд. Знаній, нѣчто въ родѣ Энциклопедіи по этой части, былъ задуманъ и издавался В. П. Безобразовымъ, при участіи первостепенныхъ профессоровъ и ученыхъ.

вопроса, реплика должна была выйти довольно безцвѣтною. Пришлось какъ бы обходить сущность вопроса, такъ какъ трудно было отстаивать насиліе въ дѣлѣ убѣжденія,—поэтому мой оппонентъ сталъ говорить на тему, что совѣсть есть дѣло внутренней жизни, что ее ничѣмъ нельзя стѣснить, и что поэтому нечего говорить о свободѣ совѣсти, она всегда свободна,—что же касается внѣшняго проявленія религіозной жизни, то это другое дѣло и т. д. Хотя я впередъ не зналъ содержанія рѣчи моего оппонента и потому не былъ подготовленъ къ отвѣту, но отвѣчать ему оказалось нетрудно, и, кажется, большинство слушателей отнеслось къ моему отвѣту сочувственно.

Нѣсколько дней послѣ этихъ дебатовъ, ко мнѣ зашелъ Н. А. Кирѣевъ, съ которымъ я былъ знакомъ со времени египетской поѣздки. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ славянскаго общества и душою и тѣломъ преданъ славянскому дѣлу. Желая заручиться и моимъ содѣйствіемъ въ пользу столь близкаго для него дѣла, онъ пришелъ пригласить меня поступить въ члены славянскаго общества. Я отклонилъ, однако, его предложеніе, объяснивъ ему, что я не очень сочувствую славянской агитаціи, да при томъ и безъ того у меня много дѣла, но что я радъ трудиться вмѣстѣ съ нимъ по религіозному вопросу, устройствомъ, если окажется возможнымъ, публичныхъ лекцій, изданіемъ брошюръ и т. п. Мы условились переговорить о всемъ этомъ пообстоятельнѣе въ началѣ предстоящей зимы и затѣмъ начертать планъ дальнѣйшаго образа дѣйствія. Нашей совмѣстной дѣятельности не суждено было однако осуществиться. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я прочелъ въ газетахъ, уже за границей, о смерти Николая Алексѣевича, погибшаго на войнѣ съ турками, мученикомъ за сербское дѣло. Храбрый и опрометчивый, онъ въ первомъ же большомъ дѣлѣ бросился впередъ, желая увлечь за собою своихъ добровольцевъ, но дружина его не поддержала и онъ палъ доблестно на полѣ брани истиннымъ героемъ; принесла ли его смерть пользу дѣлу, это однако остается вопросомъ. Его тѣло не было найдено, такъ какъ поле сраженія осталось за турками.

Кто не прожилъ этого времени, тотъ съ трудомъ можетъ себѣ представить, до какихъ предѣловъ доходила та искусственная агитація, которая тогда велась во всей Россіи и особенно въ Петербургѣ въ пользу поддержанія сербскаго возстанія. Центромъ всего движенія былъ салонъ графини Блудовой, въ связи съ окружающимъ ее славянофильскимъ кружкомъ. Агитація велась повсюду въ салонахъ, въ публичныхъ мѣстахъ, даже въ вагонахъ конки, по которымъ ходили дамы общества для собиранія пожертвованій въ пользу сербовъ, выказывая очень явственно свое негодованіе къ

тѣмъ, кто не желалъ жертвовать для патронироваемаго ими дѣла. На сторонѣ этого движенія была и Императрица Марія Александровна, — наконецъ, дѣло дошло до того, что и Государь, не желавшій войны, былъ противъ воли увлеченъ общимъ движеніемъ. Изъ Россіи направлялись массы добровольцевъ въ сербскую армію, этою арміею командовалъ даже русскій генералъ Черняевъ, и все это кончилось печальнымъ пораженіемъ, такъ что пришлось вступить въ дѣло Россіи. Такимъ образомъ мы искусственно втянулись въ политическую ошибку, которая обошлась намъ дорого и сдѣлала только дѣла другихъ, — Австріи. На это мы жертвовали свою кровь и свои деньги, при томъ, какъ и въ первую восточную (крымскую) войну, надѣясь, до послѣдней минуты, что дѣло ограничится однѣми манифестаціями, потеряли полгода въ ожиданіи, давъ туркамъ возможность воспользоваться этимъ временемъ для того, чтобы подготовиться и завершить свое вооруженіе. Печальный результатъ подобнаго образа дѣйствія достаточно извѣстенъ.

Лѣто 1876 года я опять провелъ съ моимъ семействомъ въ Карлсбадѣ. Въ числѣ русскихъ я встрѣтилъ въ Карлсбадѣ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, А. А. Абазу, К. Д. Домонтовича и извѣстнаго нашего богослова отца Васильева, долгое время бывшаго нашимъ священникомъ въ Парижѣ. Съ Николаемъ Максимиліановичемъ мы часто видѣлись, я его посѣщалъ, по его приглашенію, нерѣдко въ послѣобѣденное время, и мы вмѣстѣ занимались чтеніемъ экономическихъ сочиненій, вспоминая наши прежнія занятія въ Петербургѣ. Помню, какъ на одной прогулкѣ съ нимъ, на извѣстную гору Абергъ, мы съ нимъ разговорились о спиритизмѣ. Я старался убѣдить его въ несостоятельности всего, что говорятъ о матеріализаціи духовъ, но никакъ не могъ разубѣдить его въ его спиритическихъ вѣрованіяхъ; онъ мнѣ утверждалъ, что онъ неоднократно самъ имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствительности спиритизма.

Во время пребыванія въ Карлсбадѣ, я получилъ отъ М. Х. Рейтерна письмо съ порученіемъ ознакомиться съ способомъ взиманія въ Австріи таможенныхъ пошлинъ золотомъ, для доклада ему о томъ по возвращеніи въ Петербургъ. Оказывается, что, въ виду все болѣе и болѣе надвигавшейся опасности войны, онъ помышлялъ уже о введеніи и у насъ золотой таможенной пошлины и съ этою цѣлью поручилъ мнѣ собрать соотвѣтствующія свѣдѣнія.

Для исполненія даннаго мнѣ порученія, я отправился по желѣзной дорогѣ въ ближайшую австрійскую пограничную таможеню (не помню ея названія) и безъ всякой рекомендаціи обратилъ къ управляющему таможеней, сообщилъ ему о полученномъ мною отъ рус-

скаго министра финансовъ порученіи и просилъ его ознакомить меня съ существующею у нихъ процедурою. Онъ очень любезно отозвался на мою просьбу, объяснилъ мнѣ весь порядокъ ихъ дѣлопроизводства, сообщилъ мнѣ различные формуляры и вообще поставилъ меня совершенно въ курсъ всего дѣла. Такимъ образомъ, по возвращеніи, я имѣлъ полную возможность удовлетворить желаніе Михаила Христофоровича.

Послѣ Карлсбада мы отправились для, такъ называемой, *Nachkur* въ *Königswart*, имѣніе князя Меттерниха, лежащее между Карлсбадомъ и Мариенбадомъ въ красивой мѣстности, не особенно переполненное публикой. Недалеко отъ самаго курорта находился дворецъ князя Меттерниха, окруженный большимъ паркомъ. При дворцѣ былъ устроенъ особенный музей разныхъ замѣчательностей, также открытый для публики. Въ этомъ музеѣ были помѣщены, между прочимъ, разныя воспоминанія пребыванія Меттерниха въ Парижѣ, въ качествѣ посла при Наполеонѣ III, богатый костюмъ, который князь носилъ на придворномъ балу, драгоценный кинжалъ, подаренный ему Наполеономъ и т. п.

Окрестности Кенигсварта лѣсисты и красивы. Недалеко отъ самаго Кенигсварта, по дорогѣ въ Мариенбадъ, находится охотничій паркъ, въ которомъ водились олени; для корма этихъ животныхъ въ лѣсу было устроено особое помѣщеніе, куда олени приходили отъ времени до времени, и недалеко отъ этого помѣщенія—трибуна для охотниковъ, которые, такимъ образомъ, безъ труда могли стрѣлять этихъ бѣдныхъ животныхъ, когда они приходили кормиться. Разказывали, что даже сама княгиня Меттернихъ (игравшая такую выдающуюся роль въ Парижѣ, въ качествѣ царицы модъ) не брезгала этимъ удовольствіемъ и пріѣзжала сюда стрѣлять оленей. Это уже не охота, а бойня. Единственно, что дѣйствительно интересуется въ охотѣ, это отыскиваніе и преслѣдованіе звѣря, — самый же убой не можетъ доставлять никакого пріятнаго чувства, особенно, когда это происходитъ при такихъ условіяхъ.

Въ Кенигсвартѣ меня посѣщали изъ Мариенбада А. Б. фонъ-Бушенъ, о которомъ была рѣчь по поводу статистическаго конгресса, и молодой Левшинъ, Федоръ Алексѣевичъ, сынъ извѣстнаго Алексѣя Иракліевича Левшина, бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ.

А. Б. фонъ-Бушенъ, человекъ крайне энергичный и самоувѣренный, пользовался Мариенбадскими водами, не спрашивая совѣта докторовъ. Столь неосторожное отношеніе къ лѣченію Мариенбадомъ имѣло для него, къ сожалѣнію, крайне печальныя послѣдствія. Онъ возвратился въ Петербургъ больнымъ и спустя нѣсколько мѣ-

свяцевъ скончался. Во время болѣзни я его часто посѣщалъ, при чемъ мы часто бесѣдовали съ нимъ о христіанствѣ,—но вызвать въ немъ вѣрующее настроеніе мнѣ не удалось. Человѣкъ крайне правдивый и искренній, онъ не могъ измѣнить своихъ убѣжденій въ послѣднюю минуту жизни и въ этомъ откровенно сознавался. Я провелъ у него послѣднюю ночь передъ его смертью, ухаживая за нимъ вмѣстѣ съ его женою. Печально было смотрѣть, какъ этотъ энергическій и всегда бодрый человѣкъ старался какъ бы побороть смерть, но она была сильнѣе его. Послѣ его кончины, одинъ изъ его родственниковъ справедливо замѣтилъ, что Артуръ Богдановичъ не былъ вѣрующимъ христіаниномъ, но въ жизни по своему благородству и по своимъ отношеніямъ къ людямъ былъ фактически дѣйствительнымъ христіаниномъ. У него было два сына, славные малые; одинъ изъ нихъ умеръ при жизни его, а другой немного лѣтъ послѣ его смерти, такъ что изъ всего семейства осталась только вдова, которая съ удивительною силою духа перенесла постигшія ее несчастія; она довольно долго прожила еще послѣ смерти мужа, посвящая себя образованію дѣвицъ въ качествѣ директриссы какого-то женскаго заведенія.

Изъ Кенигсварта мы отправились еще на нѣсколько недѣль въ окрестности Дрездена, откуда я посѣтилъ Саксонскую Швейцарію, обойдя пѣшкомъ извѣстный Кушталь, оба Винтерберга, Пребишъ Торъ и др. пункты этой живописной мѣстности. Кушталь представляетъ замѣчательную площадку среди скалъ, передъ которою скалы расходятся въ видѣ огромнаго окна, изъ котораго представляется глазамъ далекій живописный видъ на окружающую гористую мѣстность. Названіе Кушталь, т. е. хлѣвъ, это мѣсто получило потому, что во времена тридцати-лѣтней, кажется, войны, крестьяне сгоняли въ это укромное мѣсто свой скотъ, чтобы спасти его отъ враговъ. Замѣчательна также формація Пребишъ Торъ (т. е. Пребишевы ворота); въ этой мѣстности двѣ вертикальныя скалы покрыты другою громадною скалою, очевидно, обрушившеюся на нихъ въ давнія времена,—эта конфигурація представляетъ родъ гигантскихъ воротъ, открывающихъ опять же красивый видъ на предлежащую мѣстность. Все это странствованіе по Саксонской Швейцаріи я совершилъ въ два дня, закончивъ его посѣщеніемъ замѣчательной базальтовой формаціи на самомъ берегу Эльбы, носящей названіе Бастей.

По возвращеніи въ Петербургъ, я доложилъ Рейтерну собранныя мною свѣдѣнія объ устройствѣ способа взиманія таможенныхъ пошлинъ золотомъ въ Австріи. Онъ вполне удовольствовался моимъ докладомъ и немедленно назначилъ засѣданіе для обсужденія озна-

ченнаго вопроса, въ которомъ, кромѣ него самого, участвовали С. А. Грейгъ, Е. И. Ламанскій и я. Въ этомъ засѣданіи Михаилъ Христофоровичъ изложилъ свое мнѣніе о необходимости, въ виду готовившейся войны, ввести золотую таможенную пошлину, чтобы обезпечить государственное казначейство золотомъ, при чемъ полагалъ просто установить взиманіе золотомъ существовавшей таможенной пошлины. Я возражалъ противъ такого предположенія довольно энергически, потому что такое возвышеніе таможенныхъ окладовъ внезапно въ 60⁰/₀,—а къ этому приводилъ простой переходъ отъ бумажной къ золотой пошлинѣ—мнѣ казался опаснымъ и могущимъ вызвать разныя неблагоприятныя экономическія пертурбаціи. Я никогда не отрицалъ необходимости сохраненія у насъ таможенной охраны, хотя и слылъ за фритредера, но стоялъ за умѣренную охрану, а потому подобное колоссальное повышеніе охраны, и при томъ сразу, мнѣ представлялось вреднымъ. Несмотря на всѣ мои возраженія, которыя Рейтернъ выслушалъ очень терпѣливо, было все же рѣшено приступить къ предполагаемой мѣрѣ, при чемъ единственное, что мнѣ удалось при этомъ достигнуть, это бонификація въ 10⁰/₀—въ каковомъ размѣрѣ былъ уменьшенъ номинальный окладъ пошлины.

Около этого времени мнѣ удалось закончить переводъ перваго тома „Ессе Ното“. Я уже говорилъ выше, что, прочитавъ въ какой-то газетѣ выдержку изъ этой замѣчательной книги, вышедшей съ довольно обширнымъ вступленіемъ, написаннымъ къ ней Глэдстономъ, я выписалъ эту книгу и принялся за ея переводъ. Я думалъ приступить къ печатанію моего труда, но это оказалось не такъ легко. Какъ духовное сочиненіе, оно подлежало духовной цензурѣ; оказалось, что цензура не соглашается дать разрѣшеніе на наборъ статьи съ тѣмъ, чтобы ей были представляемы на просмотръ отдѣльные листы по мѣрѣ ея печатанія, но требовала, чтобы все сочиненіе въ совокупности было представлено ей для просмотра въ манускриптѣ. Это до крайности затрудняло дѣло; моя рукопись, годная для набора, не была, однако, достаточно отчетлива для представленія въ цензуру: пришлось бы переписывать весь манускриптъ, ожидать затѣмъ долгое время его цензурованія и т. д. Не зная, что дѣлать, я рѣшился отправиться къ Г. Л. Янышеву, съ просьбой помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Іоаннъ Леонтьевичъ очень любезно отнесся къ моей просьбѣ; объяснивъ мнѣ, что онъ лично, непосредственно, не можетъ сдѣлать никакого распоряженія въ смыслѣ моего желанія (онъ тогда былъ ректоромъ духовной академіи), онъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ архимандриту Виталию, на котораго была возложена цензура духовныхъ книгъ,

чтобы съ нимъ посоветоваться объ этомъ дѣлѣ. Виталій произвелъ на меня на первыхъ порахъ впечатлѣніе человѣка сухого и крайне сдержаннаго. Онъ принялъ насъ очень учтиво и послѣ продолжительнаго разговора и моихъ объясненій относительно трудности представленія полнаго манускрипта и т. д. предложилъ мнѣ окончательно принести къ нему мою работу, чтобы затѣмъ уже условиться, какъ поступить. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и дня черезъ два отправился къ нему съ моимъ манускриптомъ. Онъ принялъ меня привѣтливо; на столѣ — чай, который онъ мнѣ предложилъ, и мы за стаканомъ чая стали читать мой переводъ. Чтеніе его, очевидно, заинтересовало: онъ предложилъ мнѣ, для ускоренія дѣла, читать ему мой трудъ, съ тѣмъ, чтобы по частямъ, по мѣрѣ прочтенія, сдавать его въ печать. Тѣмъ самымъ устранялась всякая задержка въ печатаніи, и являлась возможность, въ случаѣ необходимости какихъ-либо частныхъ измѣненій въ текстѣ, дѣлать таковыя немедленно по соглашенію со мною. Меня это предложеніе вначалѣ не очень порадовало, потому что это требовало ряда сеансовъ; но, въ интересѣ дѣла, я согласился. И что же? эти сеансы, въ которые между чтеніемъ у насъ возникали постоянные разговоры о разныхъ предметахъ, обратились для меня въ очень пріятное занятіе, тѣмъ болѣе, что я располагалъ тогда значительнымъ свободнымъ временемъ. При этомъ, я до того сблизился съ архимандритомъ Виталіемъ, что до конца его жизни пребывалъ съ нимъ, могу сказать, въ интимныхъ, почти дружескихъ отношеніяхъ.

Этотъ человѣкъ, который на первыхъ порахъ представился мнѣ такимъ сухимъ, оказался человѣкомъ, скрывавшимъ подъ внѣшнею, сухою оболочкой самое теплое сердце и живой интересъ ко всякимъ вопросамъ религіи и жизни.

Наша совмѣстная работа продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я еженедѣльно пріѣзжалъ по два раза на его квартиру, въ Александро-Невской лаврѣ. Каждый разъ мы читали и бесѣдовали вмѣстѣ по нѣсколько часовъ. Въ сущности, мой переводъ утверждался имъ почти безъ измѣненій; мѣстами онъ исправлялъ мой слогъ, мѣстами указывалъ ближе придерживаться къ оригинальному тексту—такъ что послѣ взаимнаго просмотра мой трудъ значительно выигрывалъ. Прочитанное отдавалось немедленно въ печать, и онъ на набранныхъ листахъ ставилъ свой *imprimetur*.

Уже въ одно изъ первыхъ засѣданій, послѣ работы, у насъ перешелъ разговоръ на очень интимную, душевную почву. Узнавъ отъ меня о моемъ вдовствѣ, онъ сталъ рассказывать мнѣ, какъ онъ потерялъ свою жену (послѣ чего только онъ и перешелъ въ мона-

шество), какъ онъ былъ этимъ опечаленъ, и какое утѣшеніе онъ находилъ въ своей печали въ чтеніи псалмовъ, указывая, что глубокое значеніе ихъ мы начинаемъ понимать именно въ такое время, когда душа чувствуетъ потребность въ утѣшеніи. На эту тему мы долго бесѣдовали и разстались какъ бы давнишними друзьями, съ глубокимъ взаимнымъ сочувствіемъ.

Съ тѣхъ поръ каждый разъ, за чаемъ, у насъ происходили продолжительныя дружескія бесѣды. При этомъ мы касались всякихъ вопросовъ. Такъ, онъ мнѣ рассказывалъ много интереснаго, между прочимъ, о бывшемъ архимандритѣ Θεодорѣ, въ мѣрѣ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаринѣ. Это была весьма замѣчательная, можно сказать, даже въ нашихъ церковныхъ сферахъ исключительная личность. Архим. Θεодоръ совершенно посвятилъ себя разработкѣ разныхъ религіозныхъ вопросовъ и религіозно-философскихъ изслѣдованій. Въ этой дѣятельности, которая совершенно наполняла его душу, онъ постоянно былъ стѣсняемъ своимъ монашескимъ саномъ и зависимостью отъ духовнаго начальства, лишившаго его возможности откровенно высказывать свое мнѣніе по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Впослѣдствіи, онъ даже вступилъ въ бракъ. Несмотря на такой поступокъ, который въ монашескомъ и церковномъ мѣрѣ не могъ не считаться скандаломъ, о немъ и въ этихъ сферахъ продолжали отзываться симпатично; прежніе его товарищи оказывали ему даже по временамъ небольшія денежныя пособія, когда, послѣ вступленія въ бракъ, существуя исключительно на скудный гонораръ за свои статьи, онъ нерѣдко крайне нуждался въ средствахъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, какой это былъ хорошій человекъ. Объ архимандритѣ Θεодорѣ также крайне симпатично говорилъ мнѣ впослѣдствіи протоіерей Лебедевъ, который его хорошо зналъ. У Лебедева хранились даже послѣ смерти Бухарина разныя, оставшіяся послѣ него, рукописи. Одну изъ нихъ — „Толкованіе на посланіе апостола Павла къ Филиппійцамъ“ — онъ даже передалъ мнѣ, и я пользовался ею, какъ матеріаломъ, при составленіи моего опыта изъясненія этого посланія, какъ объ этомъ и указано въ примѣчаніи къ главѣ I-й моего труда. Объ отношеніяхъ Лебедева къ Бухарину мы находимъ въ некрологѣ Лебедева слѣдующее интересное указаніе: во время пребыванія Лебедева въ Московской духовной академіи архимандритъ Θεодоръ (Бухаринъ) находился тамъ въ числѣ наставниковъ. Личность и богословскіе труды о. Θεодора настолько вліяли на развитіе богословскаго интереса у покойнаго Лебедева, что онъ никогда не забывалъ, при удобномъ случаѣ, говорить объ этомъ и поддерживалъ свои идеальныя связи съ о. Θεодоромъ даже послѣ того, какъ послѣдній сложилъ съ себя

санъ и жилъ въ большой бѣдности, сохранивъ, однако, нелицемѣрное послушаніе свое церкви и ея авторитету. Поэтому, неудивительно, что покойный Лебедевъ не одинъ разъ ѣздилъ на его могилу, въ Переяславль-Залѣсскій, а ранѣе, при его жизни, выступалъ мужественно на защиту его отъ чрезмѣрныхъ нападковъ редактора „Домашней Бесѣды“, Аскоченскаго.

Въ разговорѣ съ Виталиемъ я касался иногда даже весьма деликатныхъ религіозныхъ вопросовъ. Такъ, однажды я возбудилъ при немъ вопросъ о культѣ у насъ Богородицы. Я указывалъ на то, что, по моему мнѣнію, такія молитвы, какъ „Богородице, спаси насъ“, въ сущности отклоняются отъ чистаго православія, поставляя св. Богородицу въ уровень съ Божественнымъ Спасителемъ и превращая ее какъ бы въ Божество. На этотъ деликатный вопросъ о. Виталий не отвѣтилъ мнѣ съ формальной стороны, въ сущности не возражая мнѣ, а только замѣтилъ, что этого не слѣдуетъ принимать буквально, подразумѣвая всегда прибавочныя слова „молитвами Твоими“, и что эта молитва, мало-по-малу, вошла въ наше религіозное чувство.

Мнѣ кажется, что вообще въ то время начинали смотрѣть не такъ формально на разные религіозные вопросы и стали допускать нѣсколько болѣе свободы въ ихъ обсужденіи. Нѣсколько времени спустя, я вновь затронулъ этотъ вопросъ въ печати. Въ моей книжкѣ о Церкви по этому поводу говорится слѣдующее:

„Задача Церкви хранить залогъ истины, т. е. ничего не убавлять и ничего не прибавлять къ вѣчнымъ истинамъ, которыя раскрыты намъ Іисусомъ Христомъ, апостолами и евангелистами... Относительно догматическихъ добавленій намъ, православнымъ, не разъ приходилось выслушивать упреки католиковъ въ томъ, что, идя въ сущности по одному и тому же съ ними пути, мы лицемерно обвиняемъ ихъ въ фабрикаціи новыхъ догматовъ. „Вы насъ обвиняете напимѣръ въ томъ, говорятъ они, что ученіемъ о непорочномъ зачатіи Св. Богородицы, мы создали новый догматъ, но развѣ вы расходитесь съ нами въ возрѣніяхъ на существо Богородицы. Какое же значеніе слѣдуетъ придать факту празднованія у васъ дня зачатія Пресв. Богородицы (9 декабря). Кромѣ того многія изъ молитвъ, возносимыхъ вами къ Пресв. Матери Божіей (Богородица, спаси насъ и др.), несомнѣнно приписываютъ ей божественную силу“... Для справедливой оцѣнки всего происходящаго въ религіозной жизни народа или помѣствой церкви, необходимо обратить вниманіе на связь явленій религіозной жизни съ историческимъ ея развитіемъ и съ условіями, въ которыхъ происходило это развитіе. Въ теченіи многихъ столѣтій умственное отношеніе къ религіозной истинѣ носило у насъ преимущественно фор-

мальный характеръ; внѣшнее проявленіе благочестивой духовной жизни также облакалось, съ своей стороны, въ строго опредѣленный формализмъ, въ которомъ усматривался какъ бы существенный признакъ истиннаго благочестія. При такихъ условіяхъ, то, что служить выраженіемъ благочестивой жизни, молитвы, славословія, даже празднество—могло иногда проявляться въ формѣ, не вполне соответствующей внутреннему существу того или другого догмата. При отсутствіи аналитическаго настроенія въ общей духовной жизни народа и при незначительномъ вліяніи на нее богословской науки, такія явленія были неизбѣжны.

„Такимъ образомъ и въ почитаніи Пресв. Богородицы могли проявляться выраженія, не вполне выдерживающія строгую логическую критику въ догматическомъ отношеніи. Легко понятно, какимъ образомъ простая человѣческая мысль, не провѣряющая себя критическимъ анализомъ, могла склониться къ приписанію Пресв. Матери Божіей божественнаго достоинства; одно понятіе, повидимому, истекало изъ другого... Мы—люди и потому въ нашей жизни и ея явленіяхъ всегда неизбѣжно проявляется несовершенство. Непогрѣшимость принадлежитъ только православной церкви въ ея совокупности, въ ея вселенскости... никакое частное благочестивое мнѣніе, никакое выраженіе религіозной жизни, которыя, съ большимъ или меньшимъ несовершенствомъ могутъ проявляться въ отдѣльныхъ православныхъ церквахъ, не въ состояніи затронуть догмата вселенской церкви“...

Прежде напечатанія отдѣльной книгой мое сочиненіе появилось въ религіозномъ журналѣ ¹⁾, значить, получило апробацію духовной цензуры, которая не остановилась передъ вышеприведенными словами. Молитва „Пресв. Богородица, спаси насъ“ продолжаетъ возноситься въ церкви и по настоящее время,—но едва ли подобное вышеприведенному указаніе на неправильность этой молитвы прошло бы въ настоящее время безпрепятственно чрезъ духовную цензуру.

Насколько болѣе свободное настроеніе преобладало въ то время, усматривается между прочимъ изъ магистерскаго диспута, происходившаго въ томъ же 1876 г. въ духовной академіи, на которомъ я присутствовалъ. Рефератъ проф. Чистовича „о павликіанахъ“ былъ въ сущности всецѣло *plaidoyer* въ пользу свободы совѣсти.

Но возвращаюсь къ моимъ отношеніямъ къ архимандриту Виталію. Наши сношенія не ограничивались совмѣстными занятіями, онъ

¹⁾ Оно началось печатаніемъ въ „Православномъ Обзорѣнн“, а по прекращеніи этого журвала, продолжало печататься въ Харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, который вновь перепечаталъ и все начало его.

посѣщаль меня и на дому и познакомился съ моимъ семействомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили на лекцію Янышева, и такъ какъ въ Лавру, послѣ извѣстнаго часа вечеромъ ему неудобно было возвращаться, то онъ въ этотъ день ночеваль у меня. Вечеромъ за чайнымъ семейнымъ столомъ, онъ сталъ по обыкновенію молиться передъ приступленіемъ къ чаю и удивился, что у насъ въ столовой не было иконы, на которую можно бы было помолиться. Онъ это замѣтилъ намъ и на слѣдующій разъ, когда онъ опять пріѣхаль къ намъ, онъ привезъ намъ въ даръ икону, чтобы повѣсить ее въ нашей столовой. Хотя онъ самъ былъ очень расположенъ къ иконамъ Богоматери, но зная, изъ разговоровъ со мною, что я не сочувствую тому безграничному почитанію Пресв. Богородицы, которое у насъ проявляется, онъ, относясь крайне деликатно къ моему настроенію, поднесъ намъ икону не Богоматери, а Спасителя съ евангеліемъ, которая и до сихъ поръ виситъ у насъ въ столовой.

Такъ какъ въ то время очень много было разговоровъ о Рэдстокѣ, то и Виталій заинтересовался имъ и спрашиваль меня о немъ. Я ему предложилъ вмѣстѣ со мною поѣхать въ лорду Рэдстоку, чтобы познакомиться съ нимъ. Онъ принялъ мое предложеніе, и мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали къ Рэдстоку въ гостиницу (который былъ предупрежденъ мною о предстоящемъ посѣщеніи). Рэдстока мы застали среди его семейства, жены и очень милыхъ дѣтей и просидѣли у него болѣе часа въ мирной бесѣдѣ. Въ разговорѣ Рэдстокъ, выражаясь съ почтеніемъ о нашей церкви, указываль однако на проявляющійся въ ней формализмъ. Виталій, съ своей стороны, объяснялъ ему символическое значеніе нашихъ обрядовъ, и Рэдстокъ съ большимъ вниманіемъ выслушиваль его объясненія. Нѣсколько дней спустя лордъ Рэдстокъ отдалъ вмѣстѣ со мною визитъ архимандриту Виталію, посѣтивъ его въ Лаврѣ.

Наши интимныя сношенія съ Виталіемъ продолжались въ теченіе всего времени пребыванія его въ Петербургѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ назначенъ викарнымъ, а впоследствии и епископомъ въ одну изъ западныхъ губерній, кажется Могилевскую. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись съ нимъ только въ его рѣдкія посѣщенія Петербурга.

Считая долгомъ выразить архимандриту Виталію мою благодарность за его содѣйствіе успѣху моего перевода, я предпослалъ второму тому изданія слѣдующія слова:

„Оканчивая настоящій переводъ, считаю пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность отцу архимандриту Виталію за благосклонное содѣйствіе, которое онъ оказалъ мнѣ въ моемъ трудѣ.

„Отецъ архимандритъ Виталій посвятилъ не мало часовъ на пересмотръ со мною перевода Ессе Ното, и его совѣтамъ, осно-

ваннымъ на обширномъ знакомствѣ съ книгами Священнаго Писанія и съ выраженіями нашей богословской рѣчи, я въ значительной мѣрѣ обязанъ какъ точностію, такъ и внутреннею соотвѣтственностію передачи многихъ мѣстъ англійскаго оригинала⁴.

Когда печатаніе моего перевода стало приходить къ окончанію, я нашелъ нужнымъ позаботиться о полученіи разрѣшенія автора на переводъ его книги. Хотя съ формальной стороны я въ этомъ и не нуждался, такъ какъ книга вышла анонимно и при томъ у насъ съ Англіей не существовало договора объ охранѣ литературной собственности, но я не считалъ деликатнымъ поступиться въ настоящемъ случаѣ разрѣшеніемъ автора. Не зная имени автора (проф. Silly, какъ я узналъ впоследствии), трудно было получить отъ него самого согласіе, и потому я рѣшился обратиться къ Гладстону, написавшему вступленіе къ Ессе Ното. Въ моемъ письмѣ, сообщая ему, что я перевелъ эту книгу, и что имя автора мнѣ неизвѣстно, я обращался къ нему съ просьбой какъ о разрѣшеніи на печатаніе перевода его вступленія, такъ и объ исходатайствованіи такого же разрѣшенія отъ самого автора книги, который ему, безъ сомнѣнія, извѣстенъ.

Знаменитый государственный мужъ не оставилъ моего письма безъ отвѣта; онъ сообщилъ мнѣ, что къ изданію русскаго перевода препятствія не встрѣчается, и просилъ меня только, когда выйдетъ книга, прислать ему два экземпляра оной (вѣроятно, одинъ для него, а другой для автора). Я это, разумѣется, исполнилъ, и такъ какъ Виталиемъ были сдѣланы въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя оговорки съ указаніемъ на неточность нѣкоторыхъ воззрѣній автора, впрочемъ небольшихъ частныхъ, то полагая, что характеръ этихъ замѣтокъ будетъ интересовать какъ самого Гладстона, такъ и автора книги, я приложилъ переводъ на французскомъ языкѣ этихъ подстрочныхъ примѣчаній.

По полученіи моей посылки, Гладстонъ извѣстилъ меня о полученіи книги и присовокупилъ, что онъ находитъ замѣчанія Виталія основательными и заслуживающими уваженія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приложилъ къ своему письму слѣдующее краткое стихотвореніе:

If I ask Him to revive me
Will he say me way?
Not tell earth and not till Heaven
Pass away.

Два автографа Гладстона я сохранялъ какъ драгоценный предметъ. Отзывъ Гладстона на замѣтки Виталія я сообщилъ послѣднему, и это, кажется, доставило немало удовольствія и удовлетворенія отцу архимандриту.

Такимъ образомъ первый томъ *Esse Noto*, въ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ Глэдстона, вышелъ въ 1876 году. На заглавномъ листѣ я посвятилъ мой трудъ „памяти Софіи Александровны Тернеръ“, желая эту первую значительную мою работу связать мысленно съ памятію о моей женѣ—какъ бы въ видѣ новой духовной связи съ усопшею.

Переводъ *Esse Noto* вышелъ въ послѣдствіи вторымъ изданіемъ, и мнѣ многіе отзывались крайне сочувственно объ этой книгѣ; разъ даже въ дорогѣ, во время одной оффиціальной командировки, ко мнѣ подошелъ совершенно неизвѣстный мнѣ молодой инженеръ и просилъ позволенія благодарить меня за наслажденіе, доставленное ему чтеніемъ моего перевода *Esse Noto*.

Для характеристики этого сочиненія, считаю не безынтереснымъ привести здѣсь текстъ объяснительнаго предисловія, которое я считалъ нужнымъ предпослать переводу:

„При всей необъятности для человѣческаго ума тайны воплощенія Сына Божія, — эта величайшая и сокровеннѣйшая тайна, составляющая одно изъ основаній спасительной вѣры, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства и донинѣ постоянно продолжаетъ занимать мысли людей и служить предметомъ человѣческихъ изслѣдованій.

„Мы рѣшаемся представить нашимъ читателямъ, въ переводѣ, одно изъ такихъ изслѣдованій. Своеобразный характеръ его заключается въ томъ, что, оставаясь на христіанской почвѣ, т. е. не увлекаясь въ ложную односторонность реализма, отрицающаго божественность Спасителя, неизвѣстный авторъ сосредоточиваетъ свое изслѣдованіе преимущественно на человѣческой сторонѣ личности Иисуса Христа, стремясь какъ бы постепенно вознестись отъ понятія сына человѣческаго къ понятію о Сынѣ Божіемъ.

„Нельзя не признать, что боязнь преклониться передъ какимъ бы то ни было внѣшнимъ авторитетомъ и готовность принимать только то, что можетъ быть подвергнуто непосредственной повѣркѣ, слѣдуетъ отнести къ числу главнѣйшихъ причинъ невѣрія въ наше время. Между тѣмъ величіе сверхъестественныхъ событій, которыми до очевидности подтверждается божественность Иисуса Христа, какъ-то: Его воскресеніе, явленіе Воскресшаго апостоламъ, посланіе имъ Св. Духа и другія—такого рода, что они не подчиняются возможности личной провѣрки и потому обыкновенно отвергаются невѣрующими.

„Въ виду подобнаго затрудненія авторъ *Esse Noto*, относясь къ заблуждающимся, но честнымъ искателямъ истины съ соболѣзнованіемъ и чистосердечнымъ доброжелательствомъ, стремится указать имъ надежный путь для достиженія истины, по которому, какъ

видно изъ его предисловія ¹⁾, онъ самъ прошелъ и который привелъ его къ цѣли. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, что одного углубленія въ высокую нравственную чистоту ученія и дѣлъ Спасителя уже достаточно для того, чтобы сознать Его божественность, авторъ предлагаетъ читателямъ поставить себя въ положеніе первоначальныхъ послѣдователей Христа, предъ взорами которыхъ вышеуказанныя великія событія, непреложно свидѣтельствующія о его божественности, были также еще сокрыты, и, подобно имъ, внимать словамъ Его ученія и углубляться въ Его жизнь и Его дѣла. Но только для того, чтобы и этимъ путемъ дойти до истины, необходимо, по крайней мѣрѣ, приступить къ изслѣдованію этого ученія и этихъ дѣлъ съ такою же простотою и непринужденною искренностью, съ которою первые ученики Христовы взирали на своего учителя. Передъ тѣми людьми, которые рѣшатся на подобное изслѣдованіе, несомнѣнно раскроется, впоследствии, познаніе и всѣхъ прочихъ сторонъ христіанской вѣры, подобно тому, какъ таковыя открылись впоследствии и передъ первыми учениками Іисуса Христа.

„Такимъ образомъ на предлагаемое сочиненіе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на точное изложеніе христіанскаго догматическаго ученія, а какъ на подготовительное изслѣдованіе, могущее даже въ невѣрующемъ, но искренно относящемся къ этому важному вопросу человѣкѣ, вызвать такое настроеніе ума, которое бы дѣлало его, впоследствии, способнымъ проникнуть въ неизмѣримую глубину христіанскаго ученія и предать себя Христу“.

Сочиненіе Ессе Ното вышло въ Англій 13-ью изданіями и вызвало самыя разнообразныя критическія оцѣнки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ немъ авторъ говоритъ: кто чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ обыденными понятіями о Іисусѣ Христѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуть живую потребностью составить себѣ опредѣленное понятіе о Немъ, (тому) необходимо мысленно перенестись въ тѣ времена, когда Тотъ, Котораго мы называемъ Христомъ, еще не носилъ этого имени, а представлялся людямъ, по описанію Св. еванг. Луки, молодымъ, многообщающимъ человѣкомъ, пользовавшимся любовью въ средѣ тѣхъ, которые его знали, и особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ,—и затѣмъ прослѣдить шагъ за шагомъ все его послѣдующее жизнеописаніе. Такую работу предпринялъ авторъ настоящей книги для собственнаго удовлетворенія, послѣ того, какъ прочиталъ не малое число сочиненій о Іисусѣ Христѣ, онъ принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ другой исторической личности, которой—побужденія, цѣль и чувствованія оставались бы для него столь непонятными. Изслѣдованію, оказавшемуся полезнымъ для самого автора, можетъ быть, суждено привести пользу и другимъ.